

С. А. Хохрин

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА

Введение. Выработка мер профилактики и предупреждения преступности осужденных в исправительных учреждениях, подразумевает изучение личности пенитенциарного преступника. В статье предпринимается попытка обобщения и периодизации научных течений о личности преступника как биологического и социологического явления.

Цель: провести анализ формирования концепции личности пенитенциарного преступника.

Методы: в статье использованы такие общенаучные методы исследования как: обобщение, анализ и синтез, конкретизация.

Результаты: определены временные показатели формирования мнения исследователей о необходимости углубленной разработки проблем, связанных с понятием личности преступника. Детальному анализу подвергнут этап формирования значительного объема уголовно-правовых и криминологических знаний о личности преступника.

Выводы: автор полагает, что центральным элементом любого вида преступности является личность преступника как носителя криминального поведения.

Ключевые слова: антропология, личность преступника, исследование, криминология, преступление, пенитенциарная преступность, уголовно-правовая характеристика.

S. A. Hohrin

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FORMATION OF THE PERSONAL CONCEPT OF A PENITENTIARY CRIMINAL

Introduction. The development of measures for the prevention and prevention of crime of convicts in correctional institutions implies the study of the personality of the penitentiary offender. The article attempts to generalize and periodize scientific trends about the personality of the criminal as a biological and sociological phenomenon.

Purpose: to analyze the formation of the concept of the personality of a penitentiary offender.

Methods: The article uses such general scientific research methods as: generalization, analysis and synthesis, concretization.

Results: The time indicators of the formation of the opinion of researchers about the need for in-depth development of problems associated with the concept of the personality of a criminal were determined. The stage of formation of a significant volume of criminal law and criminological knowledge about the personality of the criminal is subjected to a detailed analysis.

Conclusions: The author believes that the central element of any type of crime is the personality of the offender as a carrier of criminal behavior.

Keywords: anthropology, personality of a criminal, research, criminology, crime, penitentiary crime, criminal law characteristics

---

Введение

Изучение видовой преступности предполагает предварительное установление историко-правовых и криминологических тенденций развития общей доктрины рассматриваемой проблемы. В противном случае нетрудно предположить о системных противоречиях, трудно разрешимых на примере исследования конкретного направления.

Возникновение спора между представителями классической школы уголовного права и представителей социологической школы, связанного с предметом научных исследований института преступления и наказания, привело к возникновению отраслевой ветви науки как криминология.

Результаты

Классическая школа преимущественно рассматривала преступление и наказание, законодательные дефиниции, а личность преступника как биологическое и социологическое явление оставались вне предмета её исследования.

Однако Э. Ферри в своих работах предал значение личности преступника как начальной и конечной цели предупреждения преступлений и как следствие преступности. [23]

Создание новых приоритетов подтолкнуло на рубеже XIX–XX веков формированию социологической школы уголовного права. Преобладающим направлением данной научной школы являлась систематизация учений касающихся антропологии, статистических данных, психологии, социологии и т. д. Э. Ферри в своих работах указывал, что научная школа о преступлениях и наказаниях основывалась только на силе логического мышления [23]. Именно антропология, психология, совместно с уголовным правом позволили сформировать уголовную социологию [23].

В криминологической литературе справедливо утверждается, что родоначальником антропологических теорий преступности (преступника) является Ч. Ломброзо. Однако следует заметить, что до Ч. Ломброзо основой для рассматриваемого течения явились работы Ф. Галля (1758–1818 гг.), по мнению которого, была сформулирована теория локализации сложных психических функций и свойств в коре головного мозга и подготовлен вывод о полушарии головного мозга, как органе психической деятельности человека [2]. Преступные намерения, их реализация определяются в одном из таких полушарий, что приводит естественно к выводу, что при возникновении преступного умысла можно локализовать воздействие на определенный участок мозга. Профессор Д. А. Дриль, оценивая работы Ф. Галля, [3] отмечал о переплетении их с итальянской школой уголовного права, и, в частности, с работами Ч. Ломброзо [13].

Антропологическая школа уголовного права как направление возникло в результате настоятельной потребности и поиска рациональных средств в противостоянии преступности, поскольку традиционные меры уголовной юстиции, главным образом наказание, показали свою малоэффективность. Необходимо обратить внимание на работу Ч. Ломброзо «О преступном типе» где за основу берётся «Преступный человек».

Фундаментальной основой доктрины учения Ч. Ломброзо, а, в частности, указанной работы, являлась теория биологических (врожденных) причин преступности. Хотя этот вывод профессора не получил должного одобрения научной общественности, тем не менее его значение для развития теории личности преступника трудно переоценить. Основная заслуга антропологической школы, на наш взгляд, заключается в том, что именно данное научное направление поставило в центр всей проблемы преступности – личность преступника.

Основной упрек представителя антропологического направления состоял в том, что его сторонники отрицают социальные факторы преступности, основываясь лишь на биологических (врожденных) факторах. Отсюда следует вывод, о применении мер связанных с невозможностью исправления преступного поведения личности за счет лишения свободы или смертной казни. Хотя в последующем Ч. Ломброзо и его ученики не были столь категоричны в суждениях.

Прежние научные исследования, проводимые преимущественно в числе классической школы уголовного права, как известно, акцентировали свое внимание на совершенном деянии (преступлении), основанном на свободной воле виновного лица.

В связи с этим, необходимо заметить, что основные дискуссии по вопросу свободной воли преступника и детерминистическое объяснение криминального поведения характерны и для современной юридической науки. Как известно, специалисты в области уголовного права придерживаются точки зрения классической школы, считая человеческое поведение ре-

зультатом свободного выбора, что обуславливает, уголовную ответственность и наказание. Криминологи напротив, стоят на нормативистских позициях, согласно которым социальные закономерности находятся вне сферы сознания человека, в значительной мере обуславливая криминальное поведение человека.

Основной идеей трудов Ч. Ломброзо являлось отрицание врожденных преступных наклонностей человека. В своей работе «Преступный человек», вышедшей в свет в конце 19 века, он обосновал, что криминальное поведение субъекта характеризуется врожденными импульсами и, следовательно «преступник от рождения» является самым опасным типом правонарушителя. Данный тип преступника, по мнению Ч. Ломброзо, имеет примитивное сознание и является «атавистическим» пережитком, унаследовавшим черты первобытных людей, поведение данного типа характеризуют «стигмы» первобытности, а физиогномика характеризуется низким лбом, ярко выраженными надбровными дугами и челюстью. Помимо этого, автор утверждал, что для данной типологии преступников характерны психологические «стигмы»: нечувствительность к боли, отсутствие нравственного чувства и безудержное стремление к удовольствию низменных физиологических потребностей.

Вполне закономерным выводом книги «Преступный человек» было предложение о наиболее рациональных методах противодействия преступности – пожизненное заключение и смертная казнь.

Следует заметить, что отдельные ученые усматривали, что антропологическая школа уголовного права вполне допускала и социологические факторы криминального поведения. К примеру, Д. А. Дриль, являясь участником отмеченного конгресса, указывал, что только отказ признания социальных факторов является несостоятельным при обвинениях антропологической школы изучения преступности [9]. Хотя, по мнению этого профессора, уголовно-антропологическая школа прекрасно осознает и тщательно изучает социальные факторы криминального поведения. В рамках этого же конгресса профессором Д. А. Дрилем были сформулированы семь основных принципов уголовно-антропологической школы:

1. Под целью наказания понимается не месть, не возмездие, а необходимость ограждения общества от зла.

2. В изучении преступников, причин и форм их поведения школа стремится использовать все «точные научные методы», противопоставляемые априорной метафизике.

3. В преступлении школа видит результат взаимодействия внутренних особенностей психофизической организации преступника (антропологический аспект) и внешних социальных воздействий (социологический аспект).

4. Школа рассматривает преступника как в большей или меньшей степени несчастную, порочную, недостаточную организацию, мало приспособленную к борьбе за существование в легальных формах.

5. Причины преступления школа делит на: а) ближайшие причины, т. е. «психофизическое оскудение»; б) более отдаленные неблагоприятные внешние условия бытия, под влиянием которых постепенно зарождаются, вырабатываются и закрепляются первые причины; в) предрасполагающие причины, под воздействием которых порочная психофизическая организация обрекается, толкается на преступление.

6. Школа изучает преступление не с позиции морализаторства или теологического осуждения, а как «естественное общественное явление, как дефект, в конечном счете, всего общественного устройства». Этим она смыкает вопрос о преступности с «великим социальным вопросом нашего времени» и настаивает на необходимости широких мер предупреждения не только преступности как части патологии, но и оскудения или социальной патологии вообще.

7. Вот почему школа ставит репрессии за преступления в зависимость от «изучения индивидуальных особенностей каждого деятеля преступления» [8].

Вместе с тем необходимо заметить, что большинство криминалистов в мире не воспринимали идеи уголовно-антропологической школы, особенно идею о прирожденном «преступном типе».

Позднее Ч. Ломброзо несколько изменит свои взгляды и будет придерживаться более умеренной позиции при выступлении в 1896 году на IV Международном уголовно-антропологическом конгрессе. Высказываясь в пользу американских реформаториев, он указывал на необходимость создания определенной системы испытаний, которую в зрелом возрасте необходимо проходить человеку [13].

Стало быть, антропологическая школа в предмет своего исследования ставила личность преступника как некое антрополого-биологическое существо, которое имеет врожденное наклонности преступной деятельности.

Основным достижением этого научного направления, на наш взгляд, является то, что личность преступника является основой исследования преступности. В связи с этим следует заметить, что большинство положений антропологической школы уголовного права не получает столь широкого признания, все же отдельные её концептуальные положения заслуживают внимания, в частности:

- теория передачи преступного гена по наследству;
- теория предрасположенности к совершению преступлений за счет определенной структуры тела;
- теория предрасположенности к совершению преступлений за счет определенного гормонального фона;
- теория предрасположенности к совершению преступлений за счет определенного психического состояния;
- теория предрасположенности к совершению преступлений за счет определенной расовой принадлежности [7].

В тридцатые годы прошлого века в советской юридической науке не уделяли должного внимания вопросам формирования личности преступника. Тем не менее, идеи особенностей формирования типов преступника активно изучали многие ученые. С. В. Познышев в 1926 г. подготовил и опубликовал работу «Криминальная психология (преступные типы)», идеей которой было разделение на двух типов преступников:

- эндогенный тип (прирожденный преступник);
- экзогенный тип (совершивший преступление под влиянием обстоятельств) [18].

Отдельные идеи антропологической школы разделял профессор И. С. Ной. В частности, он полагал, что преступное деяние есть смешанный процесс, обусловленный биологическими и социальными факторами, а потому в своих работах указывал, что в предмет криминологической науки должны быть включены проблемы комплексного исследования личности преступника (биолого-физиологические, психологические социологические, антропологические) [16].

В связи с этим следует обратить внимание ещё и на работу Ю. А. Алферова «Типология преступников и исправительные программы» (1991), где выделяется несколько типов личности преступника: конституционно-депрессивный; гипертимный; эмотивно-лабильный; астенический; истерический; шизоидный; неустойчивый; психастенический [4].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что предложенные Ю. А. Алферовым типы преступников по существу являются пенитенциарными с ограниченной вменяемостью. Отмеченные типы преступников исследовались с позиции исправительного (частной превенции) воздействия. И в этом качестве представляют научный интерес для настоящего нашего исследования.

В последующем такие учения, как физиогномика и френология дали толчок развитию *криминальной антропологии*, основоположником данного учения является итальянский криминолог Ч. Ломброзо и его ученики. По мнению данных криминологов, преступникам характерны особенности строения тела и психологии [13]. Сегодня при общении с людьми можно столкнуться с мнением, что все осужденные обладают набором характерных черт характера и характерными особенностями строения тела. Даже в художественной литературе, кино, театрах осужденных всегда показывают худощавого телосложения обязательно с характерны-

ми чертами характера, манерой поведения. Именно Ч. Ломброзо выдвинул теорию становления преступника благодаря врожденным отклонениям.

Последователи Ч. Ломброзо, Р. Гарофало и Э. Ферри, придерживаясь основных идей антропологической школы, основное внимание акцентировали на социальные факторы формирования преступника, по мнению данных ученых, «под воздействием врожденных психических и физиологических отклонений лицо совершившее преступление является особой разновидностью человеческого рода» [21].

Рассматривая данный вопрос, необходимо уделить внимание трудам, посвященным тюремной системе. Первым сочинением, выпущенным в России, в котором рассматривалась данная проблема, был трактат «Историческое описание о наказаниях преступников в Филадельфии» [1] о самобытности Пенсильванской системы тюремного содержания. Позднее криминологическая стигматизация преступников претерпела изменения, факт совершения преступления является внутренним стремлением и желанием его совершения. Желание противоправных действий выявляется определенными тестами, и по их результатам подобрано лечение с целью корректировки преступного поведения.

Корректировка преступного поведения не отличалась разнообразием методов воздействия. Наиболее распространенный способ воздействия заключался в применении медикаментозных препаратов, воздействии на субъекта электрическим током, проведении психоанализа и наконец, хирургическом вмешательстве. При этом активно применялась изоляция данного преступника, пока, по мнению комиссии врачей, не минует опасное состояние личности. Наиболее яркими представителями этого научного направления, как известно, являются Жан Пинатель, Филиппо Грамматика и Бенине ди Туллио.

Начало XIX века характеризуется появлением нового учения на основе социологической теорий преступности, основателем данной школы является бельгийский статистик А. Кетле, по мнению которого «основоположником образования всех преступлений является общество, так как именно общество способствует совершаемым преступлениям» [24]. Теория, описанная А. Кетле, позволяет утверждать взаимосвязь человеческих действий в зависимости от уровня образования, выбранной профессии, пола, места проживания, климатических условий, времени года. Примерно к середине XIX века данное учение было признано необоснованным, так как в результате повышения уровня жизни, социального прогресса, повышения уровня образования преступность не только не уменьшалась, но и напротив, росла все более быстрыми темпами.

Советскими учеными идеи социальных корней преступности приняты положительно. По мнению Е. Пашуканиса: «Зарубежные капиталистические криминологи признали зависимость борьбы с преступностью от медицины и педагогики, поэтому юристы с его «составами преступлений», кодексами, с его понятием «виновности», полной или частичной вменяемости, с покушениями и соучастиями, пособничеством, подстрекательством и т. д. не нужны» [17].

В продолжение указанной теории Ф. Грамматика и его соратниками был создан и зарегистрирован центр социальной защиты в 1945 году в Генуе, где разрабатывались меры борьбы с преступностью.

По мнению сторонников новой социальной защиты, на преступника необходимо воздействовать гуманно, что позволит его полностью перевоспитать. Применение в отношении преступника мер, относящихся к категории специальных, должно осуществляться только с правовой точки зрения. При этом применение данных мер предполагает только наличие самого преступника без совершения преступного деяния.

Концептуальное поддержание теории «преступник – больной человек, который совершает преступление под воздействием причин, затрагивающих его прирожденные наклонности», подразумевает, что использование медицинских препаратов и психологических методик является обязательным и предпочтительным направлением воздействия на предупреждение и профилактику преступного поведения.

Опыт некарательного воздействия на преступника в зарубежных странах вызвал бурные спорные процессы. Интересно, что в уголовном кодексе Швеции 1965 года в качестве нека-

рательного воздействия к осужденному (больному) предусматривалось лишение свободы на неопределенный срок до признания его выздоровевшим. Применение данного воздействия привело к тяжелым психологическим травмам у лиц, совершивших преступление, поэтому национальная уголовно-правовая доктрина этой страны вернулась на позиции неоклассического направления.

Рассмотренное концептуальное учение о некарательном воздействии на осужденного по своей природе предусматривает большое множество применения социальных мер воздействия на преступность со стороны органов государственной власти, но, вместе с тем, как указывал И. Анденес, данные власти теряются и не могут выбрать, какие меры применить [15].

Одновременно с теориями формирования преступности необходимо обратить внимание на пенитенциарную систему России. В конце 19 – начале 20 веков пенитенциарная система нашей страны характеризовалась повышенной смертностью осужденных и бесконтрольностью администрации. Как отмечалось П. П. Кропоткиным, социальный статус осужденного влиял на тип наказания, и как, следствие, на формирование субкультуры [18]. Первое крупное изучение криминальной субкультуры предпринято А. Н. Олейником [11] – по его мнению, существует мощное внедрение криминальной субкультуры в повседневную жизнь.

Одной из основных проблем существования пенитенциарных учреждений при реализации такого наказания, как лишение свободы, является поддержание порядка и соблюдение режимных требований в учреждениях. Данная проблема порождает зависимость осужденных от администрации и формирование латентных механизмов противодействия осужденных и сотрудников. Попытки нарушения режимных требований на территории пенитенциарного учреждения часто совершают как сотрудники, так и осужденные, при этом за счет постоянного общения между ними происходит сращивание социокультур и формирование факторов, способствующих совершению пенитенциарного преступления.

Изучая теории преступности, необходимо уделить внимание таким научным теориям, как теория стигматизации (теория клеймения) и теория дифференциальной ассоциации (теория субкультур), данные теории являются заключительными социальными концепциями при описании личности преступника.

Теория стигматизации, основателем которой являлся Г. Бекер, основывается на идее, что человек, даже при совершении преступления, не является преступником, а становится им под влиянием государства и общества, которые «вешают» на него осужденного «клеймо», «ярлык» преступника. Под воздействием этого человек становится изгоем, и благодаря обстоятельствам у осужденного происходит переоценка, и преступное поведение для него становится привычным.

Обязательно необходимо отметить, что последователи социологической теории уголовного права (уголовно-социологической доктрины) соглашались по ряду вопросов с представителями уголовно-антропологической теории уголовного права.

Первое: их мнения сходились в недостаточности одного абстрактно-юридического изучения факта совершения преступления и назначения наказания, они считали необходимым изучение личности преступника.

Второе: они считали, что в зависимости от тяжести совершенного преступления назначение наказания нужно осуществлять с учетом вины и базовых принципов уголовного права.

Третье: они признавали социальную опасность личности преступника, которая предполагает применение мер социальной защиты и предупреждения.

Вместе с тем уголовно-социологическое течение имело свою доктрину, которая принципиально отличалась от уголовно-антропологической. Так, в соответствии указанной доктрины, применение наказания, основанного на принципах классической школы уголовного права (вины, справедливости, гуманизма и т. д.), по мнению социологов, является малоэффективной мерой воздействия на преступника.

По убеждению сторонников рассматриваемого течения, осужденного преступника изолируют от общества, т. е. лишают свободы; а тогда, когда он с психологической точки зрения

не является опасным для общества, или его наказание закончилось, его отпускают домой. Однако очень часто психическое состояние данного осужденного говорит о том, что он готов снова совершить преступление.

В криминологической науке грань между переходом личности социально-правопослушного человека к личности преступника проходит в момент совершения преступления. Отмечается, что «личность преступника существует только в определенных временных рамках, с момента вынесения приговора суда до момента отбытия наказания и снятия или погашения судимости» [5]. Альтернативной точкой зрения указывается, что в противовес теории уголовно-исполнительного права, пенитенциарного преступника как личность необходимо рассматривать не только осужденного, но и фактически любое лицо, совершившее преступление на территории исправительного учреждения. Потому что на практике нередко именно наиболее опытные и опасные преступники оказываются избежавшими уголовной ответственности. «Отказ принимать во внимание данную категорию – это значит не увидеть существенного пласта криминальной мотивации» [10].

На первоначальном этапе изучения преступлений и преступности имели место обоснованные теории, объясняющие антисоциальное поведение человека, напрямую связанные с религией и вероисповеданием. Например, в странах, где основой вероисповедания являются такие религиозные учения, как индуизм, буддизм и брахманизм, соотносят духовную сущность субъекта и понятие «карма». Согласно учениям рассмотренных религий, «душа» человека подвержена реинкарнации, т. е. проходит перерождение через множество воплощений, причем деяния, совершаемые человеком в период его жизни под воздействием кармы, отражаются на формировании криминально направленной личности, окружение и статус во всех последующих жизнях. Тяга к совершению преступления и видению антисоциального образа жизни, по мнению проповедников, «обосновывается наследованием отрицательных личностных характеристик от предыдущих жизней, негативная карма предопределяет человека к виктимологии» [7].

«Личность преступника, как сформированная модель, характеризуется за счет взаимосвязанных социальных, психологических, нравственных портретов с преобладанием определенных черт характера» – указывал в своих работах В. Д. Малков [14]. Данное понятие по своей природе максимально полно охватывает совокупность лиц, не только совершивших преступления с умыслом, но и за совершение общественно опасных деяний по неосторожности.

В работе «О личности преступника и причинах преступности в СССР», по мнению А. Б. Сахарова, утверждалось, что к особенностям формирования личности преступника относят совокупность антисоциальных свойств, сформированных до совершения деяния и создающих предпосылки для его совершения, что дает основания для признания конкретного человека преступником только после конкретных действий». Также он утверждал, что понятие «личность преступника» вправе применять только к лицу, которое по закону признано субъектом преступления [20].

Проведенное изучение криминологических теорий о личности преступника позволяет сформировать группы по абстрактному и сущностному подходам к изучению и условно разделить по использованию термина личность преступника.

Первая группа условно является абстрактной, личность преступника рассматривалась как нечто условное юридическое понятие, при этом использование термина личность преступника является обязательным. Яркими представителями данной теории являются Ю. М. Антонян, С. М. Иншаков, Е. Б. Кургузкина [12].

Группа сущностного подхода рассматривает личность преступника как конкретного человека, совершившего преступление. Мнение представителей этого научного течения разделились. Одна группа исследователей считала, что для изучения причин, условий и механизма преступного поведения необходимо использование понятия «личность преступника», под которым понимается личность человека, виновного в совершении общественно опасного деяния, запрещенного законом под угрозой уголовной наказания» [24]. Яркими представителями являются: Г. А. Аванесов, В. Д. Малков, Г. М. Резник, Н. С. Лейкина.

Вторая группа ученых считает, что нет смысла в использовании понятия «личность преступника», и отрицают ее существование потому, что совершение преступления в достаточной мере характеризует термин «субъект преступления», антиобщественная ориентация, характеризующая личность преступника, нехарактерна для всех лиц, совершивших преступления, у преступника отсутствуют какие-либо специфические признаки, а формируются определенные социальные функции, необходимые для достижения преступных целей. Яркими представителями являются: И. И. Карпец; Ю. Д. Блувштейн; Я. И. Гилинский.

Особенности изучения личности пенитенциарного преступника, его мотивации поведения, направленного на совершение преступлений в период отбывания наказания, особо необходимо выделить криминальную социологию. Данное научное направление сформировалась в конце XX века, и, по мнению Ю. А. Алферова, включает в себя вопросы, описывающие общественные отношения при формировании личности в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

В дальнейшем, исследуя юридические проблемы исполнения наказания, И. В. Шмаров акцентирует внимание на предмет данного исследования и разбирает эффективность использования средств и методов работы с преступником, независимо от вида воздействия.

Необходимо отметить, что И. В. Шмаров рассматривает в предмете социологического исследования только вопросы уголовно-исполнительного спектра действий, при этом совершенно не уделяя внимание криминологическим проблемам. В исследованиях совершенно не охвачены вопросы криминальной субкультуры осужденных, ее влияние на осужденных впервые отбывающих наказание.

Поэтому необходимо отметить, что криминологическая наука получила два новых научных течения: «пенитенциарная криминология» и «криминопенология». Одним из основателей данной научной школы является доктор юридических наук, профессор О. В. Старков. По мнению основоположника русской криминопенологии, к предмету исследуемых этой отраслью закономерностей относятся развитие пенальных преступлений и пенальное преступное поведение, особенности причин и условий их возникновения, а также вопросы их профилактики [22]. Местом совершения указанных преступлений являются пенитенциарные учреждения, в которых исполняется лишение свободы.

Принципиальных различий между отмеченными криминологическими теориями, обобщающих различные аспекты пенитенциарной преступности, немного. Тем общим, что объединяет эти научные теории, является изучение преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, в меньшей степени изучение преступлений, совершаемых сотрудниками (персоналом) уголовно-исполнительной системы.

Обращает на себя внимание то, что эти теории весьма расширительно определяют общее понятие пенитенциарной преступности, включая в ее предмет и преступления сотрудником (персоналом) уголовно-исполнительной системы. Хотя при более пристальном внимании нетрудно заметить, что совершенные преступления сотрудников (персонала) могут относиться, например, к коррупционной или корыстной преступности.

Заключение

Пенитенциарная преступность, по нашему мнению, тесно связана с социальным положением осужденных, их криминальной направленностью и мотивацией, способствует ориентации субъектов совершаемых преступлений на криминальную субкультуру. В конечном итоге – признание криминальной иерархии и многих других аспектов.

Таким образом, анализ научных тенденций развития учения о преступности позволяет заключить, что центральным элементом любого вида преступности является личность преступника как носителя криминального поведения. Устоявшееся в криминологической науке мнение о преступности как совокупности преступлений, совершенных на определенной территории и за определенное время, имеет лишь оценочное значение и характеризует ее с социологических позиций.

Литература

1. Историческое описание о наказании преступников в Филадельфии / перевод с немецкого С. Венечанского. – Москва, 1799. – 111 с. – Текст : непосредственный.
2. Crime classification manual: A standard system for investigating and classifying violent crimes / Eds.: J. E. Douglas, A. W. Burgess, A. G. Burgess, R. K. Ressler. – 2nd ed. – San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2006. – 355 p.
3. Gall, F. J. Sur les fonctions du cerveau. T.I. / F. J. Gall. – Paris : J. B. Baillière, 1825. – 475 p.
4. Алферов, Ю. А. Пенитенциарная социология : учебник для вузов МВД России : в 2 частях / Ю. А. Алферов. – Домодедово : РИПК МВД РФ, 1995. – Ч. 1. – 185 с. – Текст : непосредственный.
5. Фильченко, А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / А. П. Фильченко ; под редакцией А. В. Наумова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 292 с. – Текст : непосредственный.
6. Гришаев, П. И. Советская криминология : курс лекций для студентов / П. И. Гришаев. – Москва, 1977. – 255 с. – Текст : непосредственный.
7. Долженко, Я. А. К вопросу исследования качеств жизнестойкой личности / Я. А. Долженко. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 10. – С. 154–156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-i-razvitiye-nekotoryh-harakteristik-zhiznestoykoy-lichnosti-u-uchaschihsya-starshih-klassov/viewer> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Дриль, Д. А. Преступность и преступники : уголовно.-психологические этюды / Д. А. Дриль. – 2-е издание. – Санкт-Петербург : Я. Канторович, 1899. – 295 с. – Текст : непосредственный.
9. Дриль, Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней / Д. А. Дриль. – Санкт-Петербург, 1912. – 769 с. – Текст : непосредственный.
10. Жмуров, Д. В. Криминальная мотивация / Д. В. Жмуров. – Текст : непосредственный // Baikal Research Journal. – 2018. — Т. 9, № 1. – С. 17.
11. Кропоткин, П. П. В русских и французских тюрьмах / П. П. Кропоткин. – Санкт-Петербург : Знание, 1906. – 69 с. – Текст : непосредственный.
12. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 366 с. – Текст : непосредственный.
13. Ломброзо, Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Ч. Ломброзо. – Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Москва : ИНФРА-М, 2014. – 313 с. – Текст : непосредственный.
14. Малков, В. Д. Криминология: учебник для вузов / В. Д. Малков, С. И. Курганов. – Москва : Юстицинформ, 2011. – 421 с. – Текст : непосредственный.
15. Анденес, И. Наказание и предупреждение преступлений : перевод с английского / И. Анденес ; под редакцией Б. С. Никифорова. – Москва : Прогресс, 1979. – 251 с. – Текст : непосредственный.
16. Ной, И. С. Методологические проблемы советской криминологии / И. С. Ной. – Москва, 1975. – 222 с. – Текст : непосредственный.
17. Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий / Е. Пашуканис. – Москва : Социальная академия, 1924. – 160 с. – Текст : непосредственный.
18. Познышев, С. В. Криминальная психология. Преступные типы / С. В. Познышев. – Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 256 с. – Текст : непосредственный.
19. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи. – Москва : Прогресс, 1985. – 176 с. – Текст : непосредственный.
20. Сахаров, А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / А. Б. Сахаров. – Москва : Госюриздат, 1961. – 279 с. – Текст : непосредственный.

21. Свирин, Ю. В. Биологический (генетический) фактор как одно из условий преступного поведения / Ю. В. Свирин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2014. – № 12. – С. 122–125.
22. Орлов, В. Н. Понятие, предмет, методы и система криминопенологии / В. Н. Орлов // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета : сборник научных трудов. – Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2004. – Вып. 6. – С. 149–167.
23. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – Москва : Инфра-М, 2005. – 657 с. – Текст : непосредственный.
24. Устинов, В. Некоторые итоги развития отечественной криминологии в XX веке / В. Устинов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2001. – № 1. – С. 74–76.
25. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 томах / М. Н. Гернет. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1961. – Т. 2. – 582 с. – Текст : непосредственный.
26. Отчет Медицинского департамента Министерства Внутренних дел. – Текст : электронный // Государственная публичная историческая библиотека России. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/56830> (дата обращения: 15.08.2021).